

ГАЙКА.

"Русское слово", 1860, No 4

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

-- Что такое? Житейское дѣло.

-- И прекрасно! на что лучше!

-- Что здѣсь дурного?

-- И, конечно, ничего дурного.

-- Наконецъ, право, что же такое?

-- Что дочь съ матерью спорить, это по твоему ничего?

-- О, разумѣется, маменька, вы скажете: что это все ученые да воспитанныя; а прежнія дочери не смѣли слова сказать -- и я молчу, не скажу болѣе ни слова, сказала дочь огорченнымъ голосомъ, облокотилась обѣими руками на окошко и замолчала.

Окошко было въ садъ; въ саду цвѣли вишни; подъ вишнями густо засѣла высокая трава, межъ травую пробивалась узенькая дорожка: она, вѣроятно всего, вела къ колодезю и пропадала въ густыхъ вербахъ. Дочь не смотрѣла ни на вишни, ни въ садъ, ни на дорожку.

-- Что жъ? вотъ это оно и хорошо! похвалить можно! начала немного погодя мать. -- Съ матерью сидишь часъ битый и слова не выговоришь.

-- Ахъ! тихонько проговорила дочь. -- Маменька! что же мнѣ дѣлать? начну я говорить -- вы сейчасъ едва не сказали мнѣ: молчи! я замолчала -- и опять выходить, что я не хочу говорить съ вами.

-- Гм! мать всегда виновата.

Дочь не отвѣчала. Самоваръ на столѣ тихонько шипѣлъ, вызванивая на разные тоны.

Странно было бы силиться живописать всякую мелочь; но не хорошъ ли былъ этотъ маленькій крадущійся лучъ, проскользнувшій сквозь золотую съ изумрудомъ сережку невесело склонившейся у окна дѣвушки и потянувшійся трепетной подвижною гранью на середину бѣленькой комнатки, раздѣляя ее на двѣ случайныя половины. Изъ угловъ выступили ему на встрѣчу баночки, сткляночки, разные хозяйственные связочки, большая бутылъ съ уксусомъ; на лежанкѣ сидѣла красавица рябенькая кошка; тонкій лучъ солнца, какъ замороженный, остановился и сверкалъ у нея въ зеленыхъ глазахъ.

-- Брысь ты, поди! усѣлась, вишь, гляди на нее, ворчала мать, вовсе не въ досадѣ на кошку, а на кого другаго.... Вотъ и теперь я, чай, запрещаю ей говорить. Задумалась какъ! было бы еще о чемъ думать. Пьетъ, ѣсть готовое и платье носить -- слава Богу, пока мать жива: она доставляетъ.

-- Ахъ, маменька! Право, иногда слова не приищешь, хотя бы и хотѣла что сказать! съ грустнымъ нетерпѣніемъ возразила дочь.

-- Да такъ, я знаю, съ матерью какія слова! что ей говорить! Много будетъ знать. Извѣстное дѣло, мы сами на ноги поднялись, все знаемъ -- люди ученые -- гм! что хочешь, скажи намъ, порѣшимъ тотчасъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, въ тонѣ, какимъ они были произнесены и еще болѣе въ прикашливаньи многозначительномъ, было что-то особенное, какъ бы намекавшее стороною на что-то и, видно, не, даромъ. Дочка у окна пошевелинулась нетерпѣливо, краешки ея тоненькихъ хорошенькихъ ушей медленно засвѣтились насквозь розовою краской. Она пристально стала смотрѣть на узенькую дорожку: и куда она идетъ, и гдѣ пропадаетъ, не сводя съ нея глазъ.

-- На что это тамъ засмотрѣлась такъ, словно, чего вѣкъ не видала!

-- На дорожку я смотрю, маменька!

-- Подлинно, невидаль какая! Тебѣ же Дашка каждый день по десяти разъ по воду бѣгаетъ.

-- Бѣгаетъ, машинально повторила дочь.

-- А что? скажешь: не бѣгаетъ.